

- ³³ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 24.
- ³⁴ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 80.
- ³⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 167.
- ³⁶ Из письма ефрейтора Фрица Линова // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ³⁷ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 331.
- ³⁸ Из письма обер-ефрейтора Руди Зерга семье Карла Якоба в Берлине // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 378.
- ³⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 18.
- ⁴⁰ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ⁴¹ Из письма ефрейтора Райнгольда Ваккера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴² Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 81.
- ⁴³ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 334.
- ⁴⁴ Из письма ефрейтора Х. Диттмара семье Диттмар в Гауминген // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 363.
- ⁴⁵ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 20.
- ⁴⁶ Из письма ефрейтора Карла Вольфа Елизавете Вольф // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴⁷ Перевод письма командира 384-й пехотной дивизии Э. Габленца // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 292.
- ⁴⁸ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 41.
- ⁴⁹ Из письма старшего солдата Йозефа Хюнерконфа // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 325.
- ⁵⁰ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 33.
- ⁵¹ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 330.
- ⁵² Из письма старшего ефрейтора Карла Партенгаммера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ⁵³ Из письма ефрейтора Йозефа Шмидта // Там же. – С. 339.
- ⁵⁴ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 53.
- ⁵⁵ Из письма унтер-офицера Франца Арнольда // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 348.
- ⁵⁶ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 45.
- ⁵⁷ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 19.
- ⁵⁸ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 332.
- ⁵⁹ Там же. – С. 331.
- ⁶⁰ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 249.
- ⁶¹ Штейдтеле Л. От Волги до Веймара / Л. Штейдтеле. – М., 1975. – С. 220.
- ⁶² Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 37.
- ⁶³ Из письма обер-ефрейтора Арно Бееца // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ⁶⁴ Донесение ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Шмалера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 316.

Т.И. ИВАНОВА

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАНЦЛЕРА Г. ШРЁДЕРА (2001-2004 гг.)

Объединение Германии повысило международный статус страны. В соответствии с этим в течение 90-х годов XX века вплоть до 2005 года сначала правительство Г. Коля, а затем коалиционное правительство Г. Шрёдера, последовательно продолжали и вновь выстраивали основные направления ее внешней политики, придерживаясь концепции самоутверждения, принципов «преемственности и развития». Преемственность выражалась в сохранении трех приоритетных стратегических составляющих: европейская интеграция, трансатлантические связи и многостороннее сотрудничество. Развитие

предполагало углубление, совершенствование, обновление и приспособление традиционных и новых элементов внешней политики к реалиям постоянно меняющейся мировой и европейской обстановки. В этой связи следует отметить, что после прекращения «холодной войны» эти изменения коснулись и облика потенциальных угроз международной и национальной безопасности. По общему признанию в странах Запада и в России теперь их представляла взаимосвязанная триада: распространение оружия массового уничтожения, транснациональная преступность и международный терроризм. Но, к сожалению, за осознанием угроз не последовало столь же действенных шагов по формированию единых представлений о сути и причинах этих явлений, и что не менее важно о стратегии и тактике противодействия им.

11 сентября 2001 г. в США мировое сообщество столкнулось с одной из этих опасностей. В этот день она заявила о себе тысячами жертв мирных граждан и стала трагическим свидетельством незащищенности мира перед лицом новых вызовов. Речь идет о международном терроризме, по сути своей воплощавшем в себе всю триаду.

Данное явление, учитывая его многоликость и разнообразие, существовало и ранее, но в виде региональных и внутринациональных проблем. Теперь же оно приняло глобальный характер. Его масштабы, широкое применение насилия и непредсказуемая, вызывающая опасения во многих странах политика, потребовали от международного сообщества и государств пересмотра, разработки и совершенствования стратегии и тактики, адекватных мер, направленных на создание новой системы международной безопасности и глобальных механизмов противодействия террору.

Предшествующий опыт и глобальность вставших задач подтвердили тот факт, что в одиночку в борьбе против международного терроризма успеха не добиться никому. Одна из причин этого, по мнению К.П. Боришполеца, в том, что «современный терроризм проявляет высокую способность адаптации к новым условиям глобальной экономики и международной среды». Результатом адаптации стал структурный «переход от жестко организованных локальных террористических групп к свободно структурированным международным сетям террористических сообществ»¹. С точки зрения Л. Робертсона, занимавшего в то время пост генерального секретаря НАТО, терроризм – это «феномен с множеством особенностей», поэтому и борьба с ним также требовала «многообразной реакции», в процессе которой «невозможно будет отказаться от военных средств»².

Вполне естественно, что в этих условиях встал вопрос о возможностях германской внешней политики отвечать соответствующим образом на новые угрозы и вызовы. Проблема состояла и в том, будет ли и дальше внешняя политика Германии ориентироваться на превентивные меры и мирные средства или, сообразуясь со своей «новой ответственностью», коалиция «красно-зеленых» внесет в нее определенные коррективы. Например, сочтет возможным использовать и военную составляющую в борьбе против терроризма в рамках солидарности с США.

Как показала практика, основные элементы внешнеполитической стратегии Германии 90-х годов сохранились и в условиях проведения антитеррористических мероприятий как «гражданского», так и военного характера. Главное отличие состояло в том, что их развитие осуществлялось теперь с точки зрения борьбы с международным терроризмом и в контексте антитеррористической деятельности государств. С первых же шагов Германия выступила за согласование своей стратегии с США, союзниками по НАТО

и Европейскому Союзу и высказала заинтересованность в оптимизации процесса формирования европейской политики в сфере безопасности и обороны с учетом новых угроз со стороны международного терроризма.

Статья – это одна из точек зрения на опыт Германии по использованию превентивной политики, как фактора противодействия международному терроризму в рамках антитеррористической коалиции³. Она никоим образом не претендует на исчерпывающую полноту в освещении данной проблемы.

Отношение в Германии к терроризму до 11 сентября

ФРГ, вместе с другими государствами Запада, пережила пик террористических проявлений во второй половине 60-х – 70-е годы XX в. По стране прокатилась волна «молодежного бунта», в виде движения «внепарламентской оппозиции», поставившего под сомнение идеалы государства благосостояния. Полиция и спецслужбы столкнулись с использованием различными левацкими террористическими структурами («Роте армее фракцион» (РАФ), «Движение 2 июня») насильственных методов и террора для достижения поставленных целей и оказались не в полной мере готовы к адекватным действиям. По мнению К. Бёллинга, одного из ведущих публицистов Германии, терроризм группы РАФ, в решающем плане оказался схож с терактом 11 сентября. «Террористы были в некотором роде религиозными фанатиками. Ульрих Майнхоф, центральная фигура в РАФ, левая идеалистка и интеллектуалка, выдвинула лозунг, согласно которому члены РАФ могли стрелять в полицейских чиновников, не испытывая при этом никаких угрызений совести»⁴. Реализация этой установки привела к многочисленным жертвам, а некоторые убийства не раскрыты до сих пор.

Но еще более напряженными для ФРГ стали 70-е годы XX века. Взрывы и нападения на различные объекты, террористический акт против олимпийской команды Израиля в Мюнхене (1972 г.), серия убийств чиновников высокого ранга (1977 г.) – далеко не полный перечень проявления левацких террористических угроз. Данные события потребовали обеспечения немедленной координации действий всех ответственных за безопасность служб как внутренних (федеральных и земельных), так и внешних (международных и европейских).

В 70-80-е гг. XX века «по горячим следам» власти ФРГ приняли ряд правовых документов, составивших юридическую основу по организации борьбы с терроризмом. В основу этой практики «малая коалиция» (СДПГ и СвДП) положила методы ограничения и расширения полномочий. Наиболее значимым из них был «Указ об экстремистах», одобренный 28 января 1972 г. на совместном заседании федерального канцлера В. Брандта и премьер-министров земель. В соответствии с ним чиновники при приеме на государственную службу должны были представить доказательства своей лояльности к германскому государству. В тоже время согласно изменениям, внесенным в Основной закон ФРГ, (вступили в силу в июле 1972 г.) федеральные и земельные органы исполнительной власти расширили свои права по координации действий в случае актов террора или насилия со стороны противоправных организаций.

В результате применения жестких правовых норм к террористам и мер профилактического воздействия к радикально настроенным элементам, правительство федерального канцлера Г. Шмидта смогло нейтрализовать РАФ и заставило террористов сдаться. Концепция «оборонеспособной демо-

кратии» оказалась эффективной и была охарактеризована как «решительная и осмотрительная». Решительная, поскольку не поощряла терроризм, и осмотрительная, поскольку жесткая реакция государства не допустила солидаризации населения с террористами. При этом государство, против основ которого они выступали, сохранило свои принципы, закрепленные в Основном законе ФРГ, и не капитулировало перед фанатиками. Но между событиями 70-х годов и международным терроризмом начала XXI века есть и существенное различие. РАФ, с ее идеологией и криминальной практикой, не получила поддержки среди западных немцев, чего нельзя сказать о современных террористах-фанатиках, тесно связанных с различными слоями исламского и западного общества.

В 1981-1983 гг. в ФРГ рабочая группа экспертов-специалистов опубликовала четырехтомный сборник трудов «Анализ терроризма». Аналитические материалы сборника раскрывали существенные изменения в мотивации и действиях первого и последующих поколений западногерманских террористов и стали основой для разработки стратегии и тактики борьбы с терроризмом в дальнейшем.

Такой шаг был сделан в декабре 1986 г. правящим кабинетом христианских демократов во главе с канцлером Г. Колема. В ФРГ был принят текст первого «Закона о терроризме», дополненный в 1989 г. новыми положениями, упрощавшими процедуру рассмотрения в суде правонарушений, связанных с террористическими акциями⁵. Существенное значение в этом плане имела также конференция западногерманских экспертов в Мюнхене (1987 г.), в документах которой признавалось, что предшествовавшие «формальные оценки фактов и споры о квалификации действий террористов, не вносили ясности в стратегию борьбы с терроризмом». Качественно новый этап в изучении этого явления связывался с исследованием «причин, истоков и механизма развития терроризма», с установлением его политической мотивации. Идеологическая мотивация, приоритетная ранее, теперь, по мнению участников, отошла на второй план и нужна была только для обоснования уже совершенного действия.

В конце 80-х – начале 90-х годов под влиянием глобализации терроризм начал набирать силу. Бурные события, а еще в большей степени их последствия, связанные с «афганским синдромом», новым витком «холодной войны», а затем с бархатными революциями в Восточной Европе, прекращением «холодной войны», объединением Германии, распадом СССР, обострили вопросы противодействия терроризму. Все чаще в СМИ появлялся термин «исламский фактор», в центре которого стоял арабо-израильский конфликт. Однако политические круги западных стран, включая и Германию, явно опаздывали с оценкой новой угрозы и координацией своих усилий по ее предотвращению. Одной из причин явилось «увлечение» политикой «двойных стандартов» по отношению к террористическим организациям, режимам и движениям, которые в зависимости от ситуации выступали то «друзьями», то «врагами» западного общества. Наглядным примером тому стало участие Германии в «талибанизации» Афганистана, когда на протяжении десятка лет германское антитеррористическое подразделение GSG-9 вместе с американцами обучало «борцов за веру», а самолеты Бундесвера доставляли для них «гуманитарные грузы» в Пешавар⁶.

Как показала практика основной смысл осуществления данной политики – достижение США и их союзниками вполне определенных глобальных политических целей, но, к сожалению, без достаточного анализа возможных

последствий таких шагов, как для себя, так и для других государств и регионов, с чем и столкнулось мировое сообщество в настоящее время.

Определенную роль в несвоевременной оценке новых угроз сыграло и то, что научные круги, в том числе имеющие выходы в «большую политику», высказывали различные точки зрения на проблему терроризма. Одни исследователи еще до 11 сентября рассматривали расширение масштабов террористических актов как «новую» угрозу, перед которой стоит человечество. Они же предупреждали об опасности конфронтации между исламом и западным миром и призывали к «диалогу культур»⁷. Данная точка зрения во многом отражала внешнеполитическую позицию Германии и других европейских государств. С другой стороны, в 90-е годы получила распространение теория С. Хантингтона. Его вывод о неизбежности противостояния между мусульманской и христианской цивилизацией попытались использовать в 2001 году, чтобы объяснить новый всплеск терроризма. В результате после терактов не только прозвучал призыв к «крестовому походу», но и реальностью стала политика «превентивных ударов» по странам, подозреваемым в причастности к терроризму. Вместе с тем имели место и суждения другого рода. Так Я.В. Хонинг в статье «Концептуальные рамки» отмечал, что новые сферы конфликтов периода, последовавшего за окончанием «холодной войны», не представляют собой фундаментальных угроз для безопасности Запада. Терроризм оценивался как тип конфликта незначительной интенсивности, с которым Запад может легко справиться даже в случае его эскалации⁸.

И все-таки к середине 90-х годов мировое сообщество сделало важные шаги по осознанию угрозы со стороны современного терроризма. 9 декабря 1994 года Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма». При этом отмечалось, что пресечение актов терроризма, в том числе с участием государств, является одним из важнейших элементов поддержания мира и безопасности⁹.

Последующие события на Балканах и на территории России свидетельствовали об эскалации террористической угрозы, которая заявила о себе новой волной «суверенизации» и стремления «выйти из-под контроля». Все это сопровождалось проявлениями терроризма, принявшего качественно новую религиозно-политическую окраску. Несомненно, на эти события мировое сообщество не могло не реагировать, поскольку акции террористов приводили к многочисленным жертвам среди гражданского населения и разрушали инфраструктуру экономики и общества.

Большое значение в этой связи имело принятие 30 июля 1996 г. на Парижском совещании министров «восьмерки» пакета из 25 мер, направленных на повышение эффективности противодействия терроризму. Особое внимание обращалось на «обеспечение прочного урегулирования нерешенных конфликтов», «противостояние условиям, способствующим развитию терроризма», совершенствование национального законодательства, решительно пресекавшего подобную деятельность. В сфере международного сотрудничества приоритет был отдан правовым, административным и информационным мерам противодействия терроризму.

Но, к сожалению, воплощение политических решений в практические действия не обошлось без «двойных стандартов» для государств, ставших объектом глобальной политики. В результате США и их союзники снова создали прецедент, допустивший нарушение норм международного права

и переключение приоритетов в урегулировании конфликтов с ООН на региональные организации, прежде всего НАТО.

Вместе с тем, под влиянием глобализации и конфликтов, Европа столкнулась с масштабным потоком беженцев и иммигрантов из регионов, не подключившихся к процессам модернизации, с массой социально-экономических, политических, этнонациональных проблем и высоким уровнем конфликтности. Это было свидетельством того, что существующий миропорядок не удовлетворял многие страны и народы, так как своими «благими намерениями» государства «золотого миллиарда» не только не исключали, а нередко и обостряли действие целого ряда факторов, которые сохраняли условия для возрождения и трансформации терроризма.

Сложившаяся ситуация коснулась и ФРГ, что потребовало от властей более конкретной ее оценки и прогнозирования последствий в связи с обострением опасности со стороны исламского фундаментализма. Еще в начале 1997 г. глава Федерального ведомства по охране конституции П. Фриш предупреждал, что исламские фундаменталисты могут стать «для Германии проблемой номер один в области безопасности». В следующем столетии, добавил он, эта проблема «по всей вероятности, будет волновать органы безопасности в первую очередь». Одновременно П. Фриш напомнил о сокращении штатов в Федеральном ведомстве по охране конституции (ФВОК), Федеральном управлении уголовной полиции в Висбадене и Федеральной разведывательной службе (БНД)¹⁰. С другой стороны, к концу 90-х годов международное сообщество уже испробовало различные средства борьбы с исламскими фундаменталистами. Это были военные, экономические, политические и гуманитарные акции, в которых в той или иной степени участвовала и Германия. На этом фоне сложилось ее осторожное и осмотрительное восприятие мусульманского мира, где по-прежнему сохранялось множество нерешенных проблем. Поиск дополнительных конструктивных решений привел политические и общественные круги Германии к осознанию необходимости развития культурного диалога между Западом и исламом. Несмотря на дискуссии, скептицизм и негативные оценки, «диалог культур» рассматривался в качестве важного условия для установления взаимопонимания между народами, а в перспективе и для решения более глобальных задач.

До событий 11 сентября в рамках ООН и Совета Безопасности (1998, 1999 гг.) было принято еще несколько конвенций, резолюций и соглашений, осуждавших все акты, методы и практику терроризма и определявших основные направления антитеррористической деятельности государств. Основу ее составляли меры по предотвращению и пресечению терактов всеми законными средствами. Они включали: отказ в убежище, арест, судебное преследование и выдачу лиц, связанных с планированием, финансированием и совершением терактов; обмен информацией и сотрудничество судебных и административных органов¹¹. 20 октября 1999 г. в Заявлении министров стран «восьмерки», проходившей в Москве, еще раз подчеркивалось: «...Всем государствам следует использовать законодательные и практические средства в рамках международных стандартов в области прав человека и норм международного права для предотвращения террористических актов и наказания лиц, виновных в их совершении», а также «предотвращать и пресекать на своей территории действия по подготовке и финансированию террористических актов»¹².

Однако усилия стран по пресечению деятельности террористических лиц и групп оказались недостаточными. По мнению многих исследователей,

террористам удалось использовать в своих целях преимущества открытого общества, правового государства, конституционные права и свободы граждан западных государств, в том числе и в Германии. Руководствуясь этими же принципами, государство терпимо относилось к исламистам. Достаточно сказать, что 3 из 19 террористов, задействованных в терактах в США, являясь «законсервированными агентами», жили, учились и проходили специальную подготовку в Гамбурге и Бохуме.

После трагических событий 11 сентября, когда потребовалась корректировка антитеррористической стратегии, велось расследование терактов и готовилась операция «Несокрушимая свобода» в Афганистане, Германия снова оказалась в центре событий. Во-первых, государством и обществом, в качестве альтернативы силовой реакции на терроризм, оказался востребованным предыдущий опыт по борьбе с терроризмом и концепция «оборонеспособной демократии». И, во-вторых, в Германию вели нити подготовки терактов в США, что предопределило принятие правительством активных шагов по защите страны от угроз исламских фундаменталистов. Уже 19 сентября 2001 года серией мер оно отменило налоговые привилегии для любых религиозных объединений, рассматривая их как вероятный канал финансирования террористических групп; ввело судебные разбирательства в случае задержания на ее территории членов террористических организаций, действующих на территории другого государства; и приняло решение о пересмотре порядка выдачи виз¹³.

По этому поводу канцлер Г. Шредер заявил, что в борьбе с терроризмом «не может быть никаких сомнительных компромиссов» и все решительные действия соответствующих структур по защите наших ценностей будут осуществляться только в соответствии с нормами правового государства¹⁴.

Реакция, оценки, основные принципы противодействия терроризму

С позиции мировой и европейской политики внешней реакцией Германии на теракты в США можно определить как «неограниченная солидарность», сдержанность, ответственность, справедливое наказание и, по мнению профессора политологии Г. Хельманна, стремление сохранить «германские приоритеты по приданию цивилизованного характера международным отношениям»¹⁵.

Внутри страны ответственные за безопасность структуры приступили к разработке мероприятий по противодействию терроризму, которые нашли отражение в пакетах мер безопасности I и II. По признанию министра внутренних дел О. Шили, государство способно защитить граждан путем принятия законов. Однако меры, нарушавшие баланс между безопасностью, правами человека и индивидуальной свободой, вызвали критику представителей ряда партий (ХДС, ПДС, Союз 90 / Зеленые) и правозащитных организаций и не были включены в окончательный текст мер, поскольку в них увидели опасные шаги на пути «к государству всеобщего контроля».

Определяя свое участие в антитеррористических мероприятиях, германские политики, несомненно, учитывали, что в глобализирующемся мире понятия внешней (мировой, европейской) и национальной безопасности становятся практически неотделимыми.

Правительство канцлера Г. Шредера, представлявшее «красно-зеленую коалицию», и население Германии незамедлительно отреагировали на террористические акты в США волной солидарности с Америкой. В Берлине про-

шла акция протеста «Нет террору», собравшая 200 тысяч человек. На Бранденбургских воротах: символе свободы немцев, развевался черный транспорант: *Wir trauern – our deepest sympathy*.

Федеральный канцлер Г. Шредер уже в первые часы после терактов недвусмысленно дал понять, что это «объявление войны цивилизованному миру» ни в коей мере не является «борьбой культур, а борьбой за культуру во все более срастающемся мире» и совершенные теракты не приведут к взятию под подозрение одной из крупнейших мировых религий или к дискриминации мусульман. «...Мы не находимся в состоянии войны с исламским миром. Террористы объявили нам войну, и они будут привлечены к ответу за это. Теракты в Нью-Йорке и Вашингтоне не имеют ничего общего с религией», – заявил Г. Шредер¹⁶. Такое заявление вполне оправданно в стране, где проживало около 3,5 млн верующих мусульман, являющихся законопослушными гражданами, а афганская диаспора насчитывала 80 тысяч человек. По этой же причине Г. Шредер, государственные и политические деятели Германии, как и деятели других государств, выступили против тезиса американца С. Хантингтона, по поводу неизбежного столкновения религий. Аналогичную позицию высказал 27 сентября 2001 г. председатель Европейской комиссии Романо Проди, собравшимся в одной из брюссельских мечетей муллам: «Мы все равны, у нас одинаковые права, общая история. Я абсолютно осуждаю любые заявления, согласно которым группы, ответственные за недавние ужасные террористические атаки, олицетворяют ислам»¹⁷.

Вместе с тем, американская пресса вину за теракты сразу же возложила на бен Ладена, ссылаясь на анонимные «израильские спецслужбы». СМИ других стран (канадская газета *Toronto Star*, швейцарская *Le Soir*, немецкая *Rheinische Post* и др.) заняли примерно одинаковую позицию: ставили под сомнение необходимость борьбы с «невидимкой» и «выражали опасения, что реакция Штатов может оказаться куда катастрофичнее, чем сами теракты». Более откровенно по этому поводу высказалась немецкая *Sudkurier*: «Европе война не нужна, а под союзничеством понималось нечто иное, нежели совместное участие в военных действиях»¹⁸.

Эта позиция свидетельствовала о том, что Германия и ЕС, несмотря на решительную поддержку США, все-таки проявили осмотрительность и сдержанность и не разделили заявление Дж. Буша, «неосторожно призвавшего» к «крестовому походу» против террористов и их покровителей. Кроме того, вскоре после трагедии 11 сентября в штате Нью-Йорк был принят закон, позволяющий казнить террористов. Однако правительства и народы стран Европейского Союза, выразив свою скорбь и продемонстрировав взаимопонимание по поводу терактов, не потребовали «ответной крови» и не поддались эмоциям ненависти в отношении всех арабов и исповедующих ислам¹⁹.

Поэтому, разрабатывая стратегию обеспечения безопасности и противодействия терроризму, важно было добиться ее эффективности, но, при этом соблюсти соразмерность предпринимаемых действий, не отступать от традиционных системных ценностей, не отказываться от толерантности, свободы и прав человека. Как отметил федеральный канцлер Г. Шредер: «В борьбе с терроризмом мы ни на йоту не поступимся ценностями, на которых зиждется наш мир: свободой, солидарностью и правовой защищенностью»²⁰. Аналогичную мысль высказал и министр иностранных дел ФРГ Й. Фишер, подчеркнув, что политическим и государственным деятелям «...придется найти новый баланс между индивидуальными свободами и потребностью

общества в безопасности. Нельзя допустить, чтобы фанатики прикрывались привилегиями открытого общества в целях их уничтожения. Ни в США, ни в Германии, ни где бы то ни было»²¹.

Кроме того, политическое руководство учитывало приобретенный в 90-е годы опыт «гражданской» внешней политики Германии по урегулированию кризисов в нестабильных регионах, опыт превентивной дипломатии на Балканах и «невоенного участия» в миротворческих операциях под эгидой ООН. Однако особенность ситуации 2001 г. состояла в том, что демонстрация трансатлантической солидарности и общности подходов происходила в момент, когда США при поддержке союзников по НАТО, готовились использовать всю свою военную мощь против любых проявлений международного терроризма.

В Германии отнеслись неоднозначно к американской стратегии «военного упреждения». С точки зрения «зеленых», она была не совместима с международным правом. «Совершенно очевидно: эта теория вызывает угрозу того, что государства снова начнут присваивать себе полномочия на использование военной силы, что было бы равносильно возврату в XIX век». В то же время часть ответственности Р. Бютикофер возлагал и на европейцев, «которые достаточно поздно занялись данными угрозами и отдали приоритет США». «Тот, кто не хочет заниматься военным упреждением, говорил федеральный лидер «зеленых», должен прийти к альтернативной стратегии упреждения», а именно к превентивной политике в рамках «расширенного понятия безопасности»²².

Многие политики и общественные деятели Германии также не считали панацеей применение только военных методов в борьбе с международным терроризмом, поскольку «ни во Вьетнаме, ни в Персидском заливе военными методами не удалось добиться устойчивого решения проблем». Данную позицию разделял и канцлер Г. Шредер, отмечавший в своих выступлениях, что «немцы привыкли проявлять сдержанность по поводу использования военной силы». После терактов в США им неоднократно проводилась мысль о большей политической ответственности Германии за происходящее в мире. Эти шаги могли быть реальными, если Германия преодолеет ограничения, которые на нее наложил «холодная война» и ограниченный суверенитет. Поэтому, формулируя суть политики «неограниченной солидарности», канцлер включил в качестве ее составляющей и «предоставление соответствующих военных возможностей для борьбы с международным терроризмом»²³.

В октябре 2001 г., возвращаясь в Берлин после визита в США, Г. Шредер обратился к сопровождавшим его журналистам с разъяснением тех «фундаментальных изменений», которые произошли в мировой политике и, прежде всего, роли Германии в этой политике. «Ни одному правительству до нас не приходилось принимать за столь короткое время таких далекоидущих решений», – заявил канцлер. «О том, что сейчас выносится на обсуждение, – участие германских солдат в военных операциях вне зоны ответственности НАТО, – 3 года назад нельзя было и подумать»²⁴. Вместе с тем Г. Шредер и его союзники по коалиции не считали, что новая ответственность Германии и борьба с терроризмом должны ограничиваться только военными аспектами. С их точки зрения основными приоритетами европейской и германской внешней политики в равной мере являлись «новый мировой порядок демократии и прав человека, справедливости и устойчивого развития на основе многостороннего сотрудничества, мирного разрешения конфликтов, их предотвращения и соблюдения международно-

го права»²⁵. Однако, акцент канцлера Г. Шредера на «новой роли бундесвера» в операциях по поддержанию безопасности и стабильности, позволяет считать именно этот факт существенным изменением во внешней политике Германии.

Германская политика «расширенного понимания безопасности» в Афганистане

Германия в 90-е годы, участвуя в миротворческих операциях в регионах с различным уровнем политического, этнического, национального и военного противостояния, накопила определенный опыт мирного урегулирования конфликтов и обеспечения стабильности за счет проведения превентивной политики. Позитивные результаты этой политики ФРГ попыталась развить в Афганистане. Сущность превентивной политики в ликвидации причин нестабильности и условий, создающих питательную базу для международного терроризма. Превентивная политика – это сотрудничество во всех областях, начиная от экономики и социальной сферы до оказания помощи в восстановлении государственных структур и формировании гражданского общества. Практическая ценность данной политики состоит в стимулировании самостоятельного развития государства на основе его традиций, демократии и прав человека. Основным элементом концепции расширенной безопасности является приоритет мирного разрешения конфликтов и предупреждение применения силы.

Афганистан расположен в достаточно сложном регионе, в котором нередко скрытые и открытые конфликты, складывается центр производства и торговли наркотиками, а негосударственные структуры пытаются объединиться на основе радикального ислама. Поэтому безопасность здесь – это не углубление конфронтации с данными странами, а обеспечение условий их вхождения в мировое сообщество в качестве полноправных членов. Не исключая военную составляющую борьбы, не следует принижать роль политических, экономических, культурных и других не менее важных средств обеспечения и поддержания стабильности в этой части евразийского пространства. Р. Бютикофер, федеральный лидер партии «зеленых», считает, что «безопасность – это нечто большее, чем-то, что можно обеспечить военными средствами. Понятие безопасности охватывает демократию и права человека, безопасность – это справедливые отношения, безопасность – это борьба с бедностью, безопасность – это защита от природных катаклизмов. Поэтому с европейской точки зрения ответственность за мир во всем мире – это, прежде всего, не политика мирового господства, а «политика мировых проблем»²⁶. Именно по инициативе «зеленых» политика мирного урегулирования конфликтов была взята на вооружение федеральным правительством и успешно реализована в деятельности «Центра международных миротворческих операций» и «Плана действий по предупреждению кризисов». Отсюда стремление коалиции «расширять практику мирного предупреждения и разрешения конфликтов, подкрепляя ее финансовыми средствами, соответствующими ее значимости» и поддерживать стратегию ЕС в области гражданских возможностей. К сожалению, сложилось не совсем обоснованное предубеждение относительно эффективности деятельности тех контингентов, которые направлялись ЕС для участия в миротворческих и полицейских миссиях ООН. Кстати, по численности, они значительно превосходили аналогичные силы США²⁷. Вряд ли следует ставить их на второй план и сбрасывать со счетов их действия по предупреждению конфликтов, поддержанию

порядка и стабильности, участие в восстановлении экономической и политической жизни. Ниспровержение недемократических режимов, безусловно, важнейший, но не единственный шаг в борьбе с международным терроризмом, имеющим различные основания для своего возрождения.

Стратегия участия ФРГ в афганских делах начала определяться правительством еще до начала американских бомбардировок. Это было связано с тем, что в 2001 году Германия выполняла функции председателя в «Группе поддержки Афганистана» (ГПА). 27 сентября по ее инициативе в Берлине состоялось специальное заседание стран-доноров. Но сохранение напряженности в стране и отсутствие легитимной власти выступили сдерживающим фактором, не позволившим начать оказание помощи на этом этапе.

В рамках действий антитеррористической коалиции, после начала 7 октября 2001 года в Афганистане военной акции против «Аль-Каиды» правительство Г. Шредера в соответствии с «новой ролью бундесвера» предоставило США 3900 военнослужащих для защиты от оружия массового поражения, обеспечения морских коммуникаций, эвакуации раненых и воздушных перевозок. Параллельно Германия поддержала на встрече глав государств в Генте основные положения итогового заявления по проблеме Афганистана и выступила за создание в этой стране стабильного правительства, представляющего все афганское население, а также соблюдающее права человека и развивающее отношения со всеми странами²⁸. Федеральное правительство немедленно приняло решение о выделении специальных средств на восстановление Афганистана. Часть из них была направлена в трастфонд Программы развития ООН. Другая часть передана на подготовку двусторонних проектов соответствующими отделами МИДа, Федерального министерства экономического сотрудничества и развития и Федерального министерства внутренних дел.

Важным этапом практической реализации германской превентивной политики стала Петербургская международная конференция (5–6 декабря 2001 г., ФРГ), предопределившая позитивный поворот в афганском противостоянии. Здесь под эгидой ООН состоялась четырехсторонняя встреча между представителями противоборствующих сил Афганистана по мирному урегулированию ситуации в стране. Этим жестом доброй воли федеральное правительство Германии выразило готовность поддерживать наметившийся процесс политического урегулирования и восстановления Афганистана.

Дело в том, что германо-афганские отношения имеют давние традиции. Они всегда были ориентированы, исключая сложные периоды в жизни обоих государств, «на партнерство в целях модернизации». Плодотворно развивалось сотрудничество в 1920-е годы при афганском короле Амануллой-хане, а в 1960-е гг. – при премьер-министре Юсуфе. Сохраняя сложившиеся традиции, но уже с учетом новых задач, стоящих и перед Германией, и перед Афганистаном, канцлер Г. Шредер еще раз обратил внимание на возможности превентивной политики в вопросах обеспечения стабильности и безопасности. «Помогая создавать структуры правового государства, продвигать вперед дело национального примирения и содействовать экономическому подъему, мы проводим активную политику мира», – заявил он²⁹. В равной степени эта политика формировала условия и для реализации современной концепции «партнерства с целью модернизации». Здесь же в Петербурге государства согласовали важнейшие вопросы: о размещении на территории Афганистана международных сил по поддержанию безопасности (ИСАФ) и определили состав переходного правительства, без

которых невозможно было решать гуманитарные, гражданские и политические задачи. ФРГ проявляла заинтересованность во включении в состав афганского переходного правительства лиц, дружественно расположенных к Германии. Поэтому германские политические круги с удовлетворением встретили назначение А. Ферханга, бывшего преподавателя в «Институте исследования и планирования» Рурского университета, на должность министра по делам восстановления. Это решение и назначение ЕС 10 декабря германского дипломата К.-П. Клайбера первым специальным уполномоченным по вопросам восстановления, открывали перспективы для межгосударственного взаимодействия в различных областях на постоянной основе и обеспечивали присутствие стран Евросоюза в данном регионе.

После конференции в Петербурге и прекращения военной акции (начало 2002 г.) возросла интенсивность контактов ЕС и Германии с Афганистаном. Петербургское соглашение стало основой по оказанию помощи в политическом урегулировании в Афганистане и продвижении страны по пути демократизации. Речь шла о разработке и принятии конституции, формировании избирательной системы, адаптации и приспособлении традиционных форм политической жизни к современным условиям и процессам демократизации, создании управленческих, полицейских и судебных структур. Как отметил Х.-Й. Дерр, уполномоченный германского МИДа по Афганистану, особые надежды по стабилизации афганского общества связывались с изменением положения женщин. Первым шагом в этом направлении стала реализация с 15 января 2002 г. одного из проектов федерального правительства – зимней школьной программы для 10000 школьниц Кабула, которым режим талибов запрещал получать образование. Германский МИД только на этот проект выделил 518 тысяч евро.

Вместе с тем, политики достаточно реалистично оценивали положение в Афганистане после 23 лет войны и террора. Было очевидно, что далеко не все военные, политические и религиозные силы, да и население, поддерживали шаги к обновлению. По меткому замечанию Х.-Й. Дерра «гарантия успеха не является частью петербургского соглашения...». Тем не менее, 22 декабря 2001 г. между ФРГ и Афганистаном были установлены дипломатические отношения, а 9 января 2002 г. германский дипломат Р. Эберле первым, среди иностранных послов, получил аккредитацию в стране. По этому поводу федеральный канцлер Г. Шредер заявил, что Германия внесет «существенный вклад с тем, чтобы люди в Афганистане наконец-то могли жить свободно, достойно иметь экономические перспективы».

Данное заявление послужило основой разработки целого комплекса мероприятий по оказанию помощи в восстановлении Афганистана. В развитие германских инициатив в середине декабря 2001 г. Кабул посетила министр по делам экономического сотрудничества и развития Х. Вичорек-Цойль, которая еще раз подтвердила, что восстановление Афганистана является главным приоритетом для Германии.

Особо следует отметить, что по мере стабилизации положения в Кабуле и регионах, помощь становилась все более разносторонней и наполнялась новым качеством. В одном из высказываний Х.-Й. Дерр достаточно точно сформулировал суть нового качества германо-афганских отношений: «Активный диалог лицом к лицу, а также партнерство, пронизанное взаимным уважением и взаимопониманием – и не только в экономической сфере – для афганцев еще важнее, чем деньги». Тем не менее, чтобы поддержать новое правительство и положительные процессы в стране, только Германия

в 2001 году выделила 51 млн евро для оказания срочной гуманитарной помощи и 82 млн евро на восстановление Афганистана³⁰.

В конце января 2002 г. в Токио прошла Международная конференция стран-доноров и организаций, помогающих восстановлению Афганистана. На ней были подведены первые итоги и предприняты усилия по определению приоритетов и согласованию действий, поскольку деятельность анти-террористической коалиции была еще весьма далека от своего завершения. Выполнение новых внешнеполитических задач потребовало привлечения дополнительных сил, как на уровне государств, так и негосударственных структур.

Достаточно позитивным в этом направлении оказался опыт ФРГ. Принципиальное значение для углубления германо-афганского партнерства имел постоянный диалог на уровне глав государств, правительств, министров, придававший новые импульсы сотрудничеству между странами. В мае 2002 года Кабул посетил федеральный канцлер Г. Шредер. В ходе переговоров с председателем временного правительства Афганистана Х. Карзаем стороны отметили эффективность действий международных сил безопасности и высказали мнение о необходимости продления мандата сил ИСАФ, содействия повышению уровня безопасности, активизации процесса восстановления и распространению власти центрального правительства на остальную территорию. Одновременно Г. Шредер обсуждал вопросы расширения сотрудничества, в том числе и изыскивалась возможность участия германских фирм в восстановлении страны³¹.

Руководствуясь как общими целями, так и собственными интересами, страны-доноры, а также германские федеральные отраслевые министерства и ведомства, негосударственные структуры и фонды, также направили свои усилия на формирование многоуровневых связей с Афганистаном. В этом плане можно выделить Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития, Федеральное министерство образования и научных исследований, Федеральное министерство юстиции и Федеральное министерство внутренних дел. Реализация ими конкретных проектов, с участием афганской стороны, способствовала решению достаточно широкого круга вопросов, включая гуманитарную помощь (предоставление временного жилья, продовольствия, медицинского обслуживания), восстановление и развитие рыночной экономики, сельского хозяйства, системы управления и общественных структур, сферы образования, здравоохранения и социальной защиты, а также борьбы с терроризмом и международной преступностью. В области образования, например, предполагалось содействовать восстановлению всей образовательной системы и возобновить отношения между вузами. В экономической сфере, привлечь к решению неотложных задач частные фирмы и предприятия.

Долгосрочные проекты восстановления Афганистана требовали организации не менее длительной борьбы с проявлениями терроризма в стране. Несмотря на наличие в регионе значительного контингента иностранных войск, вооруженные формирования международной террористической организации «Аль-Каида», Исламского движения талибов (ИДТ) и исламской партии Афганистана продолжали осуществлять диверсионно-террористическую деятельность, вели партизанские действия, направленные против правительственных и иностранных войск. На Пражской встрече НАТО в ноябре 2002 года решался вопрос о реализации «двойной стратегии» – железного кулака (военная составляющая) и протянутой руки (превентивная полити-

ка). По признанию Ф. Пфлюгера, председателя комитета по делам Европы Германского бундестага (ХДС), главная задача этой стратегии – «выбить у терроризма почву из-под ног» и «обеспечить справедливый и долговечный миропорядок» используя меры военного давления, свободу торговли, межкультурный диалог и демократические реформы. В декабре 2002 года на второй конференции в Петербурге с целью повышения действенности властей Афганистана была оказана финансовая поддержка и утверждена в общих чертах реформа сектора безопасности. Она включала разоружение, демобилизацию и интеграцию в мирную жизнь нерегулярных соединений, создание новых вооруженных сил и полиции с параллельным восстановлением судебной системы, способных противостоять наркобизнесу и противникам нормализации обстановки в стране. По признанию Р. Шмидта, к 2006 году «реализация этой программы завершена»³².

Важным результатом превентивной политики в сфере обеспечения мира и демократизации стало принятие летом 2003 года новой конституции Афганистана и признание ситуации в стране сложной, но в целом стабильной, несмотря на критическую оценку в регионе военной операции США в Ираке и кризис в антитеррористической коалиции.

Наряду с гражданскими структурами, к реализации превентивной политики была привлечена часть военнослужащих германского бундесвера. Основной его контингент выполнял свою миссию в рамках ИСАФ в Кабуле, а 250 человек осуществляли ее на севере Афганистана, в Кундузе. Еще в 2002 году во время поездки в Афганистан канцлер Г. Шредер ознакомился с деятельностью германских вооруженных сил и оценил работу бундесвера как «замечательную». В январе 2004 года бундесвер возглавил первую региональную группу по проведению восстановительных работ (PRT), получившую мандат ИСАФ. Деятельность PRT – это практическая реализация превентивной политики в рамках «расширенного понятия безопасности», интерес к которой стали проявлять и представители других стран. Работу группы координировали два руководителя: военный и гражданский, которые наделялись определенными полномочиями и обеспечивали решение конкретных задач. Военнослужащие отвечали за безопасность, командир гражданского контингента совместно с представителями афганской стороны выявлял проблемы и определял варианты оказания помощи, а представитель федеральных структур, в частности, германского МИДа, координировал деятельность Федерального министерства экономического сотрудничества и развития и Федерального министерства внутренних дел.

Участие в реализации проектов было дифференцировано. Солдаты, несмотря на сложную обстановку, выполняли мелкие проекты стоимостью до 2500 долларов, которые включали подготовку полицейских сил, оказание гуманитарной помощи беженцам, восстановление школ и больниц. Среднесрочные и долгосрочные проекты обсуждались в ходе переговоров совместно представителями министерств, бундесвера и негосударственных, в том числе и благотворительных, организаций. Так, реализацию одного из проектов обеспечивала германская благотворительная организация «Дойче вельтхунгерхильфе». Немецкие инженеры вместе с местным населением строили каналы и колодцы для обеспечения региона питьевой водой. Руководитель организации Й. Бениш отметил, что временами вместо основной работы приходилось выступать в роли посредников, «поскольку оружие есть в каждой деревне, правовой защищенности почти никакой и потенциал насилия далеко не исчерпан». Вместе с тем, как заметил полковник Ф. Ба-

ур, командир гражданского контингента в Кундузе, «местные жители связывают с нами очень большие надежды». Поэтому в целях предотвращения различных инцидентов на встречах с представителями власти, руководителями школ, старейшинами, населением, постоянно разъяснялся смысл присутствия германских военных в регионе, «чтобы не вызывать у афганцев чувства, что они оккупированы иностранной державой»³³.

В начале апреля 2004 г. в Берлине прошла очередная конференция по Афганистану, где присутствовали представители 56 государств. На конференции международное сообщество договорилось о предоставлении помощи Афганистану на общую сумму 8,2 млрд долларов, в том числе на долю ЕС приходилось 2,2 млрд долларов. Позицию Германии в отношении Афганистана сформулировал Г. Шредер. Федеральный канцлер заявил, что его государство продолжит оказание помощи Афганистану вплоть до 2008 года, а это 80 млн евро в год. Кроме того, учитывая положительный опыт деятельности бундесвера и первой группы PRT, власти ФРГ приняли решение о сохранении военного присутствия в стране.

По мнению министра иностранных дел Германии Й. Фишера, превентивная политика в рамках «расширенного понятия безопасности», несмотря на проблемы, все-таки давала «добрый знак надежды». «Всего за два с половиной года, подчеркнул министр, эта страна из очага террора превратилась в уважаемого члена мирового сообщества. Однако на своем пути к миру и свободе Афганистан и дальше будет нуждаться в нашей поддержке». В развитие этой идеи участники конференции определили круг приоритетных задач, решение которых, с одной стороны, ограничивало возможность возрождения террористического режима, а с другой – содействовало углублению стабилизации и долгосрочному развитию страны. Уже после конференции, 20 апреля 2004 года, посещая Кундуз, Й. Фишер в беседе с командующим местными военными формированиями М. Даудом обратил внимание на качественный поворот в отношениях между странами подчеркнув, что немцы готовы помогать и сотрудничать на долгосрочной основе, и в этом Афганистан может положиться на Германию.

Международное сообщество и ФРГ решили оказать конкретную поддержку Афганистану в подготовке и проведении в сентябре 2004 года первых выборов, содействуя «улучшению ситуации с безопасностью в стране». С этой целью контингент PRT в Кундузе увеличивался до 450 человек и создавалось еще пять аналогичных PRT, включая объединенную германо-нидерландскую группу, с центром дислокации в Файзабаде. Кроме Кундуза, к середине 2004 г. бундесвер предполагал распространить свою деятельность еще на три провинции: Тахар, Бадашхан и Баглан. Существенное значение для будущего Афганистана и подрыва финансовой базы терроризма имела помощь в реализации решений конференции о развертывании борьбы с выращиванием сырья для производства наркотиков. Первым шагом на этом пути стало соглашение о совместных действиях против контрабанды опиума, подписанное Афганистаном и соседними с ним государствами в Берлине³⁴. Принципиальное значение имели также конкретные меры, предложенные Германией афганскому руководству, по финансово-экономической поддержке крестьянства, с целью перевода их на легальные источники доходов. Кстати, после самостоятельной военной акции в Афганистане, США дистанцировались от решения многих сложных проблем восстановления Афганистана, в том числе и от борьбы с контрабандой наркотиков, переложив их на плечи своих партнеров.

Несмотря на определенные позитивные результаты применения превентивной политики, по мнению политолога Т. Шпекманна, все-таки «пока не ясно, какие последствия будет иметь расширение германского участия, например, в Кундузе». Проблему он видел в том, что «Бундесвер в серьезной ситуации будет полностью зависеть от военной поддержки США». С другой стороны, как отмечает В. Герхардт, различные политические силы Германии также высказывали сомнение по поводу использования бундесвера в зарубежных операциях, где нет четкого представления о политических перспективах урегулирования³⁵.

Данные опасения, конечно, имели под собой почву. Однако правительство Германии рассматривало скорректировать и продолжить превентивную политику в рамках «расширенного понятия безопасности» именно в целях снижения в дальнейшем риска возникновения «серьезных ситуаций». К числу мер, способных сделать ее более рациональной и эффективной, можно отнести обеспечение гибкого взаимодействия военных и гражданских структур Афганистана и антитеррористической коалиции, а также переориентацию механизма межгосударственного сотрудничества на больший учет специфики страны и региона и отказ от политики «двойных стандартов». Рецидивы этой политики имеют место и в настоящее время, когда призывы о соблюдении прав человека не исключают применение пыток, а о соблюдении прав народов не исключает поддержку политики «военного упрещения» США.

Некоторые итоги

Прошедшие после 11 сентября три года были достаточно насыщенными для ЕС и Германии в плане переосмысления концепции безопасности и накопления опыта по осуществлению и координации антитеррористической деятельности на международном, европейском и национальном уровнях. Однако достигнутые результаты оцениваются неоднозначно. А. Миссироли, научный сотрудник Института изучения проблем безопасности в Париже, справедливо отмечает, что после 11 сентября *значительно усложнились условия для принятия государствами эффективных и качественных внешнеполитических решений*, поскольку оказались «размыты границы между внутри- и внешнеполитическими мерами, между безопасностью и неприкосновенностью, между защитой и реализацией оборонительных проектов». В этом плане «подвела» и структура ЕС, продемонстрировав неспособность оперативно реагировать на изменение ситуации из-за длительных переговоров и юридических согласований по вопросам о которых, как заметил Р. Проди, «уже тысячу раз говорилось в печати». Чтобы как-то изменить это положение лидерство в принятии решений нередко брали на себя Франция, Германия и другие крупнейшие государства. В результате в марте 2004 года сформировалось «новое ядро» борьбы с международным терроризмом, куда вошли Германия, Франция, Англия, Италия и Испания, целью которого было ускорить процесс выполнения комплекса мер, включенных в план действий «пятнадцати» еще в 2001 году³⁶. Таким образом была предпринята попытка обеспечить «эффект взаимно усиливающего действия», который, по мнению А. Миссироли, позволял европейским государствам занять соответствующую роль в противодействии терроризму на международной арене.

Тем не менее, следует признать, что в реализации общих задач борьбы с терроризмом на этом этапе в действиях ЕС и ФРГ наметилась позитивная динамика. Получил развитие трансатлантический диалог, был установлен контроль над финансовыми потоками, сделаны шаги по формированию

единого информационного пространства, сотрудничеству спецслужб, коррективке законодательства европейских стран и введению с января 2003 года европейского ордера на арест. Общие подходы были выработаны не только на уровне глав государств ЕС, но и на уровне министерств, ведомств и других структур.

В тоже время выявились различия в подходах, касавшиеся, главным образом, средств ведения борьбы с терроризмом. Страны ЕС и ФРГ не отрицали того факта, что безопасность и мир нельзя обеспечить, не будучи готовым, использовать военную силу, но «в качестве крайнего средства». Поэтому европейцы в своих программных документах и действиях отдали приоритет превентивной политике в рамках «расширенного понятия безопасности», мерам по соблюдению международного права, конституционных прав и свобод, основных системообразующих принципов, мирному урегулированию конфликтов и развитию диалога с нестабильными государствами. Нельзя не отметить, что антитеррористические мероприятия с участием всех стран ЕС, явились стимулирующим фактором сближения позиций и углубления европейской интеграции, в том числе и в сфере безопасности.

Вместе с тем в статьях германских ученых, публицистов, представителей СМИ, наряду с позитивными, содержались критические оценки антитеррористическим действиям стран ЕС. Но, в большей степени, они касались внешней политики, проводимой правящей коалицией «красно-зеленых». Главными темами критики, в различных интерпретациях, стали вопросы достаточности участия европейских стран в борьбе с терроризмом и соответствия принимаемых мер новым вызовам, степень осознания общественным мнением опасности угрозы терроризма, «новая ответственность» ФРГ в европейской и мировой политике, включая военную составляющую и «расширенное понимание безопасности».

Так, с точки зрения Т. Дельпеша, сотрудника Центра международных исследований в Париже, Европа, в отличие от Америки, выступающей как мировая держава, продолжала оставаться региональной, ограничиваясь в своих действиях периферией, подготовкой миротворческих операций, что не вызывало споров и являлось единственной формой ее участия в международных делах³⁷.

Более жестко, как состояние кризиса, оценил европейскую внешнюю политику и политику безопасности после 11 сентября К.Д. Франкенбергер. Проблему европейских государств в условиях новых вызовов он видел в следовании традиционной позиции по вопросам войны и использования войск, отдававшей приоритет соотношению внешнеполитических интересов и военных решений. С его точки зрения, когда «пользуются спросом военные», то ход за теми, кто может и хочет их предложить, а не за теми, «кто придерживается наивного мнения», что «насаждение политкорректности и тривиальные призывы к диалогу культур» способны преодолеть кризис. Хотя в условиях борьбы с терроризмом последний аргумент скорее из разряда приоритетных, нежели тривиальных, поскольку в этой ситуации «столкновение культур, следует превращать в диалог культур»³⁸.

Й. Краузе, директор Института политики безопасности при Кильском университете им. Х. Альбрехта, также ставит под сомнение политику мирных средств и превентивной дипломатии, оценивая ее как отказ Германии от «новой ответственности». Вместе с тем в его аргументах содержится ряд конструктивных элементов. В частности, сложно не согласиться с тем, что оперативные последствия не должны ограничиваться только принятием ре-

шений об увеличении помощи несостоятельным государствам. Не вызывает возражений и вывод о необходимости разработки новых более эффективных концепций участия антитеррористической коалиции в восстановлении нестабильных регионов. Следует признать и то, что ситуация в регионе действительно носит достаточно противоречивый характер.

Однако вряд ли корректен вывод автора об отсутствии в нестабильных странах «ростков нового», свидетельствующих «о стабилизации и улучшении ситуации». В этом случае возникает вопрос, какие задачи на протяжении трех лет решали государства-доноры и ФРГ в Афганистане и на какие цели шли выделяемые ими финансовые средства? С другой стороны, возможно ли за столь короткое время, в условиях фактического распада государственных, политических и общественных структур, хозяйственных связей, вооруженного противостояния, распространения психологии страха сформулировать и апробировать концепцию, обеспечивающую безусловный успех и получить положительные результаты? Скорее всего, это будет путь проб и ошибок, накопления опыта и, что очень существенно, преодоления слабых сторон в антитеррористической деятельности, где усилия мирового сообщества требуют значительной активности. Это исключение пробелов в международном праве, отказ от политики «двойных стандартов» и использования борьбы с терроризмом для вмешательства во внутренние дела государств, разработка мер по воспитанию толерантности граждан и противодействию любым проявлениям религиозной и национальной вражды, а также выявление корней и условий разрастания терроризма.

Высказывая неудовлетворенность приверженностью Германии к превентивной политике, по вполне понятным причинам не обладающей должной эффективностью и, возможно, необходимой динамикой, все-таки следовало бы признать и ее позитивные стороны, ориентацию на права человека, правосудие и широкое сотрудничество с акцентом на вовлечение в этот процесс руководства и населения Афганистана. Поэтому недооценивать эту политику также неверно, как и передавать решение всех проблем в нестабильных государствах только военным.

По мнению Д.С. Лутца и его коллег из Гамбургского университета экономики и политики, «западное общество невозможно защитить ни техническими, ни военными средствами». И в этой ситуации правомерно использование превентивной политики в рамках «расширенного понятия безопасности», что означает участие стран Запада на основе партнерства и справедливости в разрешении многочисленных социальных и политических проблем исламского мира, порожденных глобализацией³⁹.

Проведенный анализ свидетельствует, что Германия в рамках превентивной политики пыталась придать системный характер своим антитеррористическим мероприятиям, включающим военные, социально-экономические, политические, правовые меры, а также поддержку диалога культур и цивилизаций. Кроме того, она выступала за адекватность принимаемых антитеррористических мер, как силового, так и гуманитарного характера, сосредоточив свою деятельность на оказании содействия Афганистану в устранении причин, прождавших терроризм. Важно и то, что политические круги Германии ориентировали превентивную политику не на «выигрывание войны» для афганцев, а стремились сделать афганцев ответственными за свою судьбу, поскольку восстановление государственности «по образцу» или «внешними силами» в таких сложных регионах, вряд ли могло обеспечить стабильность на длительное время.

Таким образом, международное сообщество, после необходимой коррективки, могло бы использовать опыт ФРГ по восстановлению Афганистана для повышения эффективности мер противодействия терроризму, для сохранения цивилизованного характера мировой политики, а также как работающую модель, направленную на преодоление нестабильности в странах с распавшимися государственными структурами. Кроме того, достижение позитивных результатов превентивной политики важно и для самой Германии, поскольку с этим связаны общий успех или неуспех ее внешнеполитической концепции.

Примечания

- ¹ *Боршитолец К.П.* Современные угрозы человеческому развитию // Глобализация: человеческое измерение. – М.: МГИМО, 2003. – С. 108.
- ² *Робертсон Л.* Трагедия как шанс // *Internationale Politik* (далее – IP). – 2002. – №7. – С. 9.
- ³ Термин **противодействие терроризму**, в отличие от более конкретного по содержанию термина **борьба с терроризмом** (оперативная работа, спецоперации (война), следственные действия), включает: формирование единой нормативно-правовой, информационной и пропагандистской базы, координацию деятельности государственных и негосударственных органов, организаций и фондов, широкую реализацию превентивной политики по линии помощь – сотрудничество, установление диалога культур, религий и цивилизаций, с целью подрыва и искоренения причин, порождающих и воспроизводящих терроризм, его идеологию и практику.
- ⁴ *Бёлинг К.* Защитить открытое общество // *Deutschland*. Политика, экономика, культура и наука (далее – Deutschland). – 2001. – №5. – С. 8.
- ⁵ См: Супертерроризм: новый вызов нового века / под ред. А. Фёдорова. – М., 2002. – С. 111.
- ⁶ *Шпеккманн Т.* Миротворцы и братья по оружию. Новое германское самосознание основано на мифе // IP. – 2005. – №4. – С. 44, 45.
- ⁷ *Наберс, Д.* Стратегия против террора. Различные перспективы действий в США и в Германии // IP. – 2002. – №7. – С. 99-100.
- ⁸ *Альгиери Ф.* Всеобъемлющая безопасность? Появилось расширенное понятие безопасности для Европы // IP. – 2002. – №8. – С. 66.
- ⁹ Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма: утверждена резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1994 года // Борьба с международным терроризмом: сб. документов. – М.: Проспект, 2005. – С. 319-322.
- ¹⁰ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ¹¹ См: Борьба с международным терроризмом: сб. документов. – М.: Проспект, 2005. – С. 388.
- ¹² http://www.nasledie.ru/oboz/N10_01/10_14.HTM // Хлобустов, О. Международно-правовые основы борьбы с терроризмом // *Обозреватель*. – 2001. – №10.
- ¹³ *Яринский О.* Национальные особенности безопасности. Страны ЕС ужесточают антитеррористические порядки // *Европа*. – 2001. – №11. – С. 8.
- ¹⁴ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ¹⁵ *Хелльманн Г.* «Германский путь». Пропасти и крушения внешней политики // IP. – 2002. – №9. – С. 7.
- ¹⁶ *Бёлинг К.* Защитить открытое общество // *Deutschland*. – 2001. – №5. – С. 10-11.
- ¹⁷ *Воскобойников Д.* Нашим читателям // *Европа*. – 2001. – №9. – С. 2.
- ¹⁸ http://www.nasledie.ru/politvne/18_51/article.php?art=6 // Добрынин С. Полцарства за голову?
- ¹⁹ *Воскобойников Д.* Нашим читателям // *Европа*. – 2001. – №10. – С. 2.
- ²⁰ *Дойнман У.* Больше возможности // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 7.
- ²¹ *Хинтередер П.* Борьба за свободу // *Deutschland*. – 2001. – №5. – С. 3.
- ²² *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста // IP. – 2005. – №4. – С. 74-75.
- ²³ *Зоммер Т.* Новые задачи // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 12.
- ²⁴ *Хессе Р.* Активно формировать. Внешняя политика правительства // *Deutschland*. – 2002. – №4. – С. 17.
- ²⁵ *Хинтередер П.* Новая координация мировой политики // *Deutschland*. – 2001. – №6. – С. 3; *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 73.
- ²⁶ *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 75.
- ²⁷ *Бютикофер Р.* Больше эффективности, пожалуйста... – С. 76.

- ²⁸ Петров Г. Сообща против террора // Европа. – 2001. – №10. – С. 7.
- ²⁹ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 9.
- ³⁰ Цита Д. Маас Надежда для Афганистана // Deutschland. – 2002. – №1. – С. 7, 9.
- ³¹ Продление мандата // Deutschland. – 2002. – №3. – С. 17.
- ³² Пфлюгер Ф. Железный кулак или протянутая рука // IP. – 2002. – №7. – С. 95; Шмидт Р. Насколько новое является старым? // IP. – 2006. – №3. – С. 50.
- ³³ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 8, 9, 10.
- ³⁴ Штайнле Б. Кундуз // Deutschland. – 2004. – №3. – С. 10, 11.
- ³⁵ Шпексмани Т. Миротворцы и братья по оружию. Новое германское самосознание основано на мифе // IP. – 2005. – №4. – С. 48; Герхардт, В. Больше свободы, пожалуйста! // IP. – 2005. – №4. – С. 64.
- ³⁶ Миссироли А. Между предупреждением конфликта и кризисным менеджментом // IP. – 2002. – №7. – С. 25.
- ³⁷ Дельпеш Т. Год спустя. Четыре реакции на 11 сентября // IP. – 2002. – №9. – С. 56.
- ³⁸ Франкенбергер К.Д. Иллюзии заслоняют реальность. Кризис европейской внешней политики // IP. – 2002. – №1. – С. 28, 30.
- ³⁹ Наберс Д. Стратегия против террора. Различные перспективы действий в США и в Германии // IP. – 2002. – №7. – С. 102.

М.А. ШИРОКОВА

СОВЕТСКИЙ ВУЗОВСКИЙ УЧЕБНИК ПО НОВОЙ ИСТОРИИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Востоковедение в России имеет не столь продолжительную историю. До начала XX в. оно не получило заметного развития, несмотря на значительные коллекции различных материалов – книг, рукописей, монет и т.д., собранных в музеях и библиотеке Петербургской академии наук. В это время, как признают все исследователи истории науки, отмечается значительное развитие востоковедения в Европе. «Не осталась в стороне от этого процесса и Россия: в 1803 г. был принят новый «Регламент» Петербургской академии наук, по которому в ней восстанавливались гуманитарные науки, в том числе и востоковедение»¹.

Необходимо отметить, что на протяжении всего XIX в. проекты по организации востоковедения в России так и не были реализованы. Интерес к странам Востока имел значительную практическую составляющую ввиду активизации данного направления во внешней политике нашего государства. Особое значение придавалось изучению языков, обычаев и т.д. Первыми преподавателями востоковедения были именно филологи.

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили приоритеты исторической науки. Для историков-марксистов основными темами работ стали классовая борьба в странах Востока, проблемы эксплуатации местного населения иностранными державами, перспективы революционной борьбы против них и т.д. Таким образом, весь спектр тем изучения Востока вновь не был затронут.

Марксистское востоковедение в России зародилось в начале XX века. В отличие от дореволюционного востоковедения, которое занималось в основном изучением древней и средневековой истории, марксистская историческая наука сосредоточила свои усилия на анализе первых буржуазных азиатских революций и антиколониальных выступлений в странах Востока. Таким образом, «марксистское востоковедение в России в отличие от буржуазной историографии и утверждений ряда европейских социал-демократов придерживалось той точки зрения, что азиатские революции